

Следующее утро принесло в Хогвартс еще один великолепный рассвет. Двигаясь по коридору к больничному крылу, Гарри не мог не заметить рассвет того, что обещало быть прекрасным днем. На небе не было видно ни облачка, и когда солнечные лучи каскадом проникали через восточные окна, его внимание отвлекли золотые лучи, отбрасывавшие желтый оттенок на обломки и разрушения, которые в тот момент были очевидны по всему Хогвартсу. Он мог ясно видеть пыль, бесцельно кружившуюся вокруг него, и когда они с Роном проходили сквозь тени между окнами, он чувствовал тепло лучей на своем лице. Это было прекрасное позднее весеннее утро, и мир был в покое.

Но мир также насмехается над ним, решил он. Она не имела права выглядеть так красиво в такой день.

Если бы погода точно отражала его текущее настроение, Хогвартс был бы затоплен бушующей бурей. Он молча шел рядом со своим другом, но внутри него назревала буря. Он не спал — как можно спать в такое время — и на нем все еще была вчерашняя одежда. Его волосы были еще более взлохмачены, чем обычно, и, взглянув на Рона, он увидел, что его друг был в таком же состоянии. Несмотря на хорошую погоду, оба мужчины выглядели так, словно боролись со стихией.

На ходу он сжимал кулаки, гнев грозил вспыхнуть в любой момент. Проблема, с которой он столкнулся, заключалась в том, что ему не на кого было злиться — не было цели для его разочарования и отчаяния.

Однако Минерва была близка.

Как только стало очевидно, что случилось самое худшее, Минерва настояла на том, чтобы Гарри и Рон ушли на ночь. Перед лицом их яростных протестов она спокойно объяснила, что ей и Поппи лучше всего иметь дело с Гермионой утром, потому что они были более отстранены от ситуации, чем он или Рон. Она говорила резким тоном, но он понял ее огорчение и знал, что она сама не была в стороне от ситуации — что Гермиона тоже много значила для нее. Именно тогда Минерва разыграла свою козырную карту.

' Это должно быть предоставлено Гермионе, чтобы решить, когда она хочет встретиться с вами двумя. Когда она переоденется, она может оказаться не в... респектабельном состоянии, и поэтому вы не сможете присутствовать. Поппи и я позаботимся о ней, не беспокойтесь. Я дам вам знать, как только вы сможете ее увидеть. Вы ничего не можете сделать для нее прямо сейчас, но завтра вы ей понадобится.

Ему хотелось спорить, кричать и кричать, но в этом не было вины Минервы МакГонагалл. Он увидел смысл в ее словах и сострадание в ее глазах и поэтому неохотно согласился на ее мольбу. В тишине они с Роном медленно возвращались в гостиную Гриффиндора.

Он закрыл глаза, когда вспомнил. Рон почувствовал — и разделил — его настроение и освободил их комнату, оставив его наедине со своими мыслями. Рон, очевидно, тоже хотел побыть один. Так он и сидел на своей кровати, глядя в окно, бессильно гневаясь на судьбу,

проклявшую жизнь его дорогого друга.

И он бушевал.

Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем он потерял контроль. Он выкрикивал непристойности в ночи. Проклял судьбы; проклял всех богов; проклинал все и всех и не в последнюю очередь себя. После всего, что они пережили, чтобы окончательно победить Волдеморта, судьба сыграла с ними последнюю жестокую шутку. Он отвернулся от окна и излил свою ярость на комнату. Ничто не осталось нетронутым. Он не использовал свою палочку; вместо этого он голыми руками и ногами оставил след разрушения в своей спальне. Он переворачивал столы, разбивал предметы о стены, пинал все, что не было прибито гвоздями, прежде чем, наконец, рассыпаться кучей на полу. Он знал, что, несмотря на все, что он пережил за свою короткую жизнь, этот последний ужас был самым страшным — этот мог сломить его.

Он окончательно перестал себя жалеть незадолго до рассвета. Эмоционально истощенный, он наконец понял, что не может позволить себе роскошь жалости к себе, что его гнев эгоистичен и бесполезен. Итак, он проснулся и спустился вниз в гостиную, где нашел Рона, сидящего в одиночестве в кресле перед камином. Он тоже был окружен разрушением, и было очевидно, что он тоже провел ночь, бунтуя против судьбы. Двое мужчин обменялись первыми словами после того, как слышали крики Гермионы.

— Не помогает, не так ли? — спросил его рыжеволосый друг, не поднимая глаз.

Он торжественно покачал головой. 'Не совсем. Но я полагаю, что часть этого уходит из нашей системы. Он оглядел комнату. — Однако Гермиона убьет нас, когда увидит, что мы сделали с этим местом.

Наконец-то они вдвоем печально улыбнулись при мысли о реакции Гермионы на разрушение ее любимой гостиной. Оба знали, что они исправят ущерб до того, как она его увидит, но это не умаляло краткого мгновения мрачного веселья, которое они оба испытали.

— Вы не повредили ни одной книги, не так ли? — спросил Рон с улыбкой.

— Я бы не посмел.

'Тогда у нас все будет хорошо. Она содрала бы с нас кожу заживо, если бы мы это сделали. Остальное она поймет.

Теперь, когда они приблизились к больничному крылу, Гарри почувствовал глубокую благодарность за то, что у него есть такой друг, как Рон. Он не чувствовал себя таким одиноким и понял, что был эгоистом; что Рон тоже будет чувствовать себя точно так же, может быть, даже хуже. Гермиона была его девушкой, и он знал, что Рон столкнулся с более тяжелым бременем, чем его собственное.

Он поднял глаза, увидев Минерву за дверью больничного крыла, как будто она стояла на страже. Когда она заметила их двоих, она быстро направилась к ним с выражением беспокойства на лице. Гарри чувствовал, как его сердце бьется в груди, и ощущал металлический привкус страха во рту, ожидая новостей.

— Она не хочет тебя видеть. Любой из вас, — без предисловий сказала Минерва. Ее голос был суровым, но он мог видеть ложь этого фасада в ее глазах. Она чувствовала это, как никто другой.

— Она не хочет нас видеть? — недоверчиво повторил Рон.

Директриса повернулась к нему. «Она говорит, что просто хочет, чтобы ее оставили в покое, чтобы разобраться с делами. Я думаю, что ей стыдно. Что понятно, хотя и немного глупо, — поспешно добавила она. — Однако в этом вопросе мы должны уважать ее желание. Может быть, будет лучше, если мы оставим ее на время?»

Гарри опасно сузил глаза. — Вы ни на минуту не верите в это, не так ли? Не получив ответа, он продолжил. — Едва ли она в лучшем положении, чтобы решить, что для нее лучше, не так ли? — спросил он, указывая на дверь в лазарет. — Если мы позволим ей хандрить, она может навредить себе. Ей нужны ее друзья прямо сейчас.

— Вы забываете себя, мистер Поттер, — ответила Минерва. — Ей решать, видеть тебя или нет. Как исполняющая обязанности директора этой школы, я не могу позволить вам вмешиваться в благополучие одного из моих учеников. Тон ее голоса никого не обманывал.

"Мистер Поттер", что ли? подумал он про себя. Обычно это означает проблемы. Но не в этот раз; Слишком многое поставлено на карту .

— Нет, Минерва. Вы забываете себя. Ни я, ни Рон, ни Гермиона больше не учатся в этой школе. Мы уехали в конце шестого года. Он говорил мягко. Он слишком уважал и любил эту женщину, чтобы вымещать на ней свой гнев. — Ты знаешь — ты знаешь — что мы нужны ей прямо сейчас, несмотря на то, что она говорит об обратном. Я ценю то, что вы пытаетесь сделать для нее — ей повезло с вами — но мы с Роном идем туда прямо сейчас, чтобы увидеть ее. Вы знаете, что это правильный поступок. Пожалуйста, не пытайтесь остановить нас. Пожалуйста, не усложняйте это еще больше».

Несколько мгновений, которые показались Гарри вечностью, Минерва стояла и смотрела на него тонкими губами. Похоже, у нее был внутренний спор, и Гарри терпеливо ждал, пока его учитель и друг придут к решению. Наконец она кивнула.

«Просто будь осторожен, Гарри; ты тоже, Рон. Она довольно... хрупкая в данный момент.

Гарри протянул руку и коснулся ее руки. — Мы знаем, — прошептал он. 'И спасибо. Вы не пожалеете об этом.

— Смотрите, чтобы я этого не делал, мистер Поттер. Смотри, не вижу, — повторила она, прежде чем повернуться и уйти по коридору. Гарри и Рон переглянулись.

'Готовый?'

Рон кивнул. «Каким я когда-либо буду».

Гермиона Грейнджер лежала на больничной койке и тихо плакала. Ее со всех сторон заслоняла занавеска, которую Поппи предусмотрительно задернула вокруг нее, убедившись, что ей удобно и комфортно. Она не могла смотреть в лицо миру прямо сейчас и страстно желала прожить остаток своей жизни за ширмой.

Я монстр. Зверь!

Она слишком хорошо помнила боль — непреодолимую агонию, — которую пережила во время трансформации. Даже пытки Беллы не могли сравниться с агонией, которую она пережила, и она безмолвно удивлялась, почему Ремус никогда не говорил ни слова о физической травме трансформации. Каждая книга, которую она читала на эту тему, не подготовила ее к этому опыту, и впервые в жизни она почувствовала, что книги подвели ее. Это было похоже на предательство друга.

Ее воспоминания после того, как она трансформировалась, были смутными, и она не хотела идти по этому пути прямо сейчас. У нее было смутное осознание, но она не контролировала ситуацию. Это было что-то, что напугало ее, и что-то, с чем она не хотела иметь дело в данный момент. Она закрыла глаза.

Сейчас я не хочу ни с чем иметь дело.

«Гермиона? Ты проснулась, Гермиона?»

Это был голос Рона. Какого черта он здесь делает? Я специально сказал Минерве, что не хочу никого видеть!

— Гермиона? — снова спросил Рон.

— Уходи, — наконец ответила она. — Просто... уходи, Рон.

— Нам нужно поговорить, Гермиона. Могу ли я войти?' — осторожно спросил он.

Он глуп? Или глухой?

— Я сказал, уходи, Рон! Вы не понимаете простой английский? Я не хочу никого видеть. Теперь иди прочь! — последние три слова она почти выкрикнула.

— Нет, — последовал ответ, и это был не Рон. Она узнала бы голос Гарри где угодно и тоже хотела его отругать, когда занавеска внезапно отдернулась с ужасающей ее скоростью. Она быстро подняла взгляд и увидела Гарри, стоящего у изножья ее кровати с горящими глазами. Рон стоял прямо за его правым плечом, и выражение его лица стало еще более сокрушенным. Она отвернулась от них обоих.

— Уходи, — пробормотала она в подушку, и слезы снова потекли.

Ответа на ее требование не последовало. Вместо этого она услышала только шаги, и на мгновение ей показалось, что они наконец повиновались ей, пока она не почувствовала, как кто-то сел на кровать позади нее. Чья-то рука начала нежно гладить ее волосы, и она предположила, что это Рон. Она хотела возразить сердито, когда человек рядом с ней начал говорить.

— Ты действительно думаешь, что мы бы бросили тебя сейчас, Гермиона? — мягко сказал Гарри.

Она обнаружила, что не может ответить, таковы были ее чувства в тот момент. Гнев, стыд и горе боролись внутри нее, но простой вопрос Гарри вызвал чувство такого облегчения и благодарности, переполняющих ее, что на этот раз она не смогла найти ответ. Она ничего не сказала и отвернулась от него еще дальше.

— Уходи, — повторила она, но голос ее прозвучал глухо даже для ее ушей. — Я чудовище, — добавила она, на этот раз с большей убежденностью.

— Не будь смешным, Гермиона, — ответил Гарри, и она уловила в его голосе легкую нотку упрёка. — То, чем ты... стал прошлой ночью, — это не ты. Это не тот человек, который сейчас стоит передо мной, и не тот, кто мой друг». Он вздохнул и слегка пошевелился, и она почувствовала его движения; она инстинктивно знала, что он смотрит в потолок и, вероятно, закатывает глаза, пытаясь сообразить, что сказать дальше. Несмотря на это, на ее лице появилась легкая улыбка, и она осознала, что он не переставал гладить ее по волосам.

— Я собираюсь говорить с тобой откровенно, Гермиона, и не извиняюсь за это, — наконец продолжил Гарри. — Это не влияет на то, как мы с Роном относимся к тебе. Вы все еще вы, независимо от изменений. Я хочу, чтобы вы знали, что мне нужно вам это знать. Теперь вы можете подумать, что то, что вы делаете, к лучшему. Вы, наверное, думаете, что каким-то образом защищаете нас — вы всегда делали это для нас. Вы, наверное, думаете, что, исключая нас, вы делаете для нас лучше. Но это не ваше решение. Это мое и Рона, и мы оба знаем, что

для нас никогда не было бы лучше, если бы ты тоже не был частью нашей жизни. Я не думаю, что мне нужно что-то добавлять. Он сделал паузу на мгновение. — Я собираюсь идти. Я собираюсь дать вам и Рону немного времени наедине, но прежде чем я уйду, я хочу, чтобы вы знали, что мне все равно, что вы об этом думаете. Ты меня не вырезаешь. Я не позволю. Так что пока ты можешь игнорировать меня, но мы оба знаем, что ты не можешь игнорировать меня вечно. Потребуется ли у вас час или год, чтобы понять смысл, я все равно буду здесь, когда вы, наконец, решите поговорить со мной. Меня не волнует, кем ты был прошлой ночью. Хотя сейчас я забочусь о девушке передо мной. Так что ты просто дай мне знать, когда перестанешь дурачиться, ладно?

С этими последними словами она почувствовала, как он убрал руку и сместил вес на кровати, когда он встал, чтобы уйти. Она на мгновение закрыла глаза, проклиная себя. Она наконец повернулась.

'Гарри?' — позвала она его удаляющуюся спину.

Он остановился и медленно повернулся к ней лицом, и она заметила намек на веселье в его глазах. Она обнаружила, что не знает, что сказать теперь, когда она привлекла его внимание.

— Спасибо, — наконец выдавила она тихим голосом.

Она увидела, как его лицо осветилось широкой улыбкой.

— Не упоминай об этом, — ответил он, прежде чем повернуться и выйти за дверь.

Гермиона сморгнула еще несколько слез и вытерла глаза тыльной стороной ладони, прежде чем, наконец, обратить свое внимание на Рона. Она выдавила дрожащую улыбку.

'Как дела?' — спросила она слишком бодрым голосом.

Рон не ответил. Вместо этого он быстро подошел к кровати и обнял свою девушку, когда она, наконец, позволила себе уйти и зарыдала от всего сердца.

Десять минут спустя Гермиона сидела, скрестив ноги, на кровати и смотрела в окно. Она наконец выплакалась в руках Рона и теперь сидела в задумчивой тишине, пока Рон суетился вокруг нее, как насадка. Она улыбнулась про себя, обдумывая вопрос, который Рон только что задал ей. Хотя она будет первой, кто признает, что ему действительно удалось удивить ее чувствительностью и состраданием, которые он проявлял до сих пор, она также знала, что он все еще способен на моменты грубости. Его последний вопрос был одним из таких моментов.

Как это было?

Как вообще можно было начинать отвечать на такой вопрос? Как мог тот, кто перенес такую

травму, описать пережитое тому, кто этого не сделал?

Как оборотень может описать, каково это не-оборотню? Это невозможно сделать.

Ее воспоминания были смутными, но она поняла, что больше всего ей запомнился запах — или, скорее, запах; запахи. Она действительно помнила, что видела запахи, и ей было неприятно осознавать, что некоторые вещи, которые она принимала за абсолют, больше не применимы. Хотя она была заперта в своей камере за толстыми каменными стенами и крепкой деревянной дверью, она могла чувствовать людей в коридоре снаружи. Хотя зверь контролировал ситуацию, она даже смогла определить, кто где сидит, просто по каждому отдельному запаху, и поистине удивительным было то, что она смогла частично определить эмоциональное состояние каждого человека. Тревога, отчаяние, тревога — все это было здесь, и она узнала каждое из них за то, чем оно было. И страх. Прежде всего, был страх.

Но как это описать? Как можно было объяснить, что каждый отдельный запах создавал в ее сознании разные цвета; как каждый из ее друзей отлил другой оттенок? Подпись такая же отчетливая, как и Патронус? Это невозможно описать, поняла она. Это было похоже на открытие восьмого цвета спектра и попытку описать его людям, которые могли видеть только семь. Слов просто не было.

Даже сейчас она чувствовала дискомфорт Рона. Хотя она знала о нем достаточно, чтобы определить его настроение по визуальным подсказкам, она могла сказать, что он нервничал и беспокоился о том, что расстроил ее своим вопросом, хотя она и не смотрела на него. Оно было тонким, но тем не менее оно было. Все ее чувства обострились, но особенно обоняние. Если она закроет глаза и сосредоточится достаточно сильно, то сможет почувствовать запах цветов на территории замка; еда готовится на кухнях. Она даже чувствовала запах прошлого. Запах Поппи, Минервы и Гарри все еще ощущался, хотя каждый из них давно покинул комнату.

Неудивительно, что Ремус никогда не говорил об этом. Он никак не мог объяснить, на что это было похоже.

А потом была сама трансформация. Она закрыла глаза и подавила дрожь. Ее последним полным человеческим воспоминанием было то, как она с ужасом смотрела на когти, отрастающие у нее на руках. И, конечно же, была боль. Боль, не похожая ни на что, что она когда-либо испытывала, когда ее тело было разорвано магическими силами. Мышцы были растянуты до предела; сухожилия и сухожилия удлинились сверх их возможностей. Ничто не осталось без изменений, и процесс был мучительным.

И мне нужно пройти через это снова сегодня вечером. И на следующую ночь. И по три ночи в месяц каждый месяц до конца моей жизни.

— Это было ужасно, — наконец смогла ответить она. Она повернулась, поняв, что Рон перестал возиться с разными вещами на прикроватной тумбочке. — Это было ужасно, — повторила она. — Это слишком сложно объяснить, Рон. Я чувствую себя... другим. Я не могу выразить это лучше, чем это. Теперь мир стал для меня другим».

Рон понимающе кивнул. — И вы не можете объяснить, как?

— Не оборотню, — подтвердила она.

— Ты даже намекнуть не можешь? Ненавижу спрашивать, но я подумал... Я подумал, что если бы я мог понять — хотя бы немного — тогда я мог бы помочь.

Гермиона помолчала, прежде чем ответить. — Я ценю это, Рон; Я действительно. Но вы не можете понять, как я все чувствую. Ты не понимаешь, откуда я знаю, что ты сейчас нервничаешь. Вы не можете понять, откуда я знаю, что сегодня утром на кухне кто-то поджег тосты, и вы не можете понять, откуда я также знаю, что профессор МакГонагалл войдет в эту комнату примерно через десять секунд, — добавила она, кивая на двери. . — Я сама этого не понимаю, — тихо добавила она.

Несколько мгновений Рон выглядел взволнованным, прежде чем переключиться на дверь. После тишины, которая, казалось, длилась вечность, двойные двери наконец распахнулись, и в комнату вошла Минерва МакГонагалл с решительным выражением лица. Она подняла глаза и увидела изумленное лицо Рона Уизли.

'Какая?' — спросила директриса с очевидным любопытством.

Но ответа не последовало. Вместо этого она смотрела, как Рон повернулся к Гермионе с вопросительным выражением лица. Со своей стороны, Гермиона только пожала плечами и снова повернулась, чтобы посмотреть в окно.

Ничто уже не будет прежним, не так ли?

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539874>